

ГОЛОС АРМЕНИИ

Автор Армен АЙВАЗЯН
доктор политических наук
Thursday, 22 February 2007

РОДНОЙ ЯЗЫК И ПАТРИОТИЗМ

Сравнительный анализ армянских и европейских первоисточников

На Западе возникновение национализма и патриотизма исследуется, как правило, исключительно на основе исторического опыта Европы периода XVI-XXвв. Естественно, подобный европоцентризм неизбежно приводит к неудовлетворительным результатам и необоснованным выводам. Так, большинство ученых, изучающих феномен национализма-патриотизма, полагает, что первые нации в мире появились в XVI-XIXвв., а "самосознание наций - плод XIX века". Например, Лиа Гринфельд, авторитетнейший ученый в этой области, утверждает, что *"первая современная идея нации возникла в XVI веке в Англии, а англичане - первая нация в мире"*.

Подобные суждения западных ученых в какой-то степени можно объяснить тем обстоятельством, что формирование европейских наций и обретение ими национального самосознания действительно приходится на XVI-XIX века. Вот свидетельства самих западных исследователей: *"Даже многие годы спустя после Французской революции 1789г. абсолютное большинство проживавших во Франции людей еще не осознавало, что они французы"*; или: *"В середине XIX века в Италии всего лишь 3% итальянцев умели говорить на том же общем языке. Большая же часть говорила на сильно различающихся провинциальных диалектах и считала себя сицилийцами, римлянами. . ."*

Между тем уже древние и раннесредневековые первоисточники выявляют развитую идентичность армян, сопутствующие ей патриотические настроения и порожденные ими идеологии. И все это - за века до возникновения сходных процессов в Европе.

АРМЯНСКИЙ ЯЗЫК

Армянский язык - один из решающих, если не самый решающий исторический фактор из числа тех, которые имели воздействие на формирование национального самосознания армян. По сути, армянский язык был наипервичным стимулом возникновения национального самосознания армян. В свою очередь, существование в языковом плане самобытной и консолидированной общины стало необходимой предпосылкой для раннего обособления армянского языка от индоевропейского праязыка.

Многочисленными новыми и новейшими исследованиями отныне окончательно установлена автохтонность армянского языка на Армянском нагорье. Гегемония армянского языка и соответственно армянского этноса на Армянском нагорье утвердилась в 4-3 тысячелетиях до н. э., возможно, еще раньше. Прямое свидетельство об ареале распространения армянского языка оставил нам греческий географ Страбон (64г. до н. э. - 23г. н. э.), согласно которому во II веке до н. э. все население объединенной усилиями Арташеса I Армении говорило на армянском языке - "все были одноязычны".

Ниже мы приводим сравнительный анализ содержащихся в армянских, английских, французских и русских источниках свидетельств, позволяющих выяснить, когда и в каких социально-исторических обстоятельствах родной язык становится объектом общенациональной любви и гордости.

"Золотой век"

В древности принадлежность человека к армянскому этническому элементу была обусловлена использованием им армянского в качестве родного языка.

Не случайно Мовсес Хоренаци территорию Армении отождествлял с территорией говорящих на армянском языке, приводя важное уточнение: *"в восточном краю, вдоль границ армянской речи"* (II, 8)

Еще одно сообщение "отца армянской истории" дает возможность представить, как рано цари древнеармянского государства осознали стратегическую важность этнолингвистического единообразия. Ссылаясь на Мар Абаса Катину, Мовсес Хоренаци сообщает, что царь Арам (в этом эпизоде он воплощает одного из двух армянских царей - жившего в IX веке до н. э. Арамэ или жившего в VII в. до н. э. Эримена-Армани) предписал жителям окраинных гаваров, только вошедших в состав Армении, *"научиться армянской речи и языку"*. Фактически этот эпизод говорит о том, что уже в IX-VII вв. до н. э. государство Армения разработало и строго проводило специальную языковую политику, гарантировавшую развитие армянского языка.

Мовсес Хоренаци - не единственный наш средневековый автор, подчеркивающий значение армянского языка. Сразу же вслед за созданием армянских письмен, в том же V веке, другие армянские мыслители также подчеркивали важность фактора родного языка. Так, Павстос Бузанд определял Армению как *"весь мир армянского языка"* и *"Торгомову страну армянского языка"*.

Рассказывая о всенародной скорби, охватившей Армению в связи с кончиной Католикоса Нерсеса Великого, Павстос пишет: *"И внутри границ Армянской страны, от одного ее края до другого, оплакивали его все благородные и крестьяне, населяющие дом Торгома благородные и крестьяне без исключения, весь армянский язык"*.

В этом эпизоде Павстос считает армянами только говорящих на армянском (причем независимо от сословных и иных различий), Армению определяет как страну, говорящую на армянском языке, а границы Армении соотносит с территорией господства армянского языка. Фактически Павстос отождествляет понятия Армения-армяне-армянский язык. К этому следует добавить, что в старину слово "язык" означало также "народ, земля, с одноплеменным населением своим, с одинаковой речью" (В. Даль, Толковый словарь живого великорусского языка, Том IV, М., 1955, с. 164). Забегая вперед, отметим, что данная Павстосом четкая характеристика Армении - *"мир армянского языка"* - вошла в употребление в Европе в гораздо более поздний период. В начале XIX века, например, немецкий автор Эрнест Мориц Арндт давал такую же характеристику Германии: *Das ist des Deutschen Vaterland* (дословно - "это Родина немецкого языка").

Примечательно одно из высказываний Егише об армянском языке. Автор знаменитого сочинения "О Вардане и войне армянской" в своей другой работе "Толкование творения" подчеркивает исключительные возможности армянского языка, сравнивая их с возможностями других современных ему языков:

"После распада единого большого языка красота возникла: язык грека - нежный, римлянина - резкий, гунна - угрожающий, сирийца - молящий, перса - роскошный, алана - цветистый, гота - насмешливый, египтянина - словно доносящийся из скрытного и темного места, индуса - стрекочущий, а армянина - вкусный и могущий все языки в себя вобрать. И как цвет другим (в сравнении с другим) цветом проясняется, и лицо - лицом, и рост - ростом, и искусство - искусством, и дело - делом, так и язык языком красив".

Эти строки демонстрируют, с одной стороны, ту нескрываемую гордость, с какой Егише говорит об армянском языке, считая его наилучшим - вбирающем в себя достоинства всех других языков; с другой стороны, уважительное и даже любовное отношение автора к языковым культурам других народов, хотя в его оценках проскальзывает легкий юмор, в свою очередь подчеркивающий превосходство армянского. Подобное отношение к другим культурам свидетельствует о "просвещенности" армянского национализма, убежденности армян в том, что собственная цивилизация и культура достаточно сильны, чтобы противостоять чуждым влияниям и безопасно заимствовать у них полезные для себя элементы.

Превосходство армянского языка над другими языками подчеркивали и армянские авторы более позднего времени.

В 1244-1246гг. Вардан Аревелци, называемый также Великим Варданом в отличие от других вардапетов - его тезок и современников, написал по просьбе царя Киликийской Армении Хетума I "Толкование грамматики". В нем, сравнивая подобно Егише армянский язык с другими языками, Вардан Аревелци приходит к убеждению, что его родной язык - наилучший: *"Но ты, народ армянский, исследуй и изучай языки, например, греки, франки (европейцы, говорящие на латинском. - А. А.) и эллины, которые македонцы (sic) , много мучаются, пока достигают желаемого и научаются правильно говорить и слушать слова, какое из них мужского рода, женского или нейтрального, какое смешанного."*

А мы, армяне, благодаря богатству и роскоши нашего языка и письма, посчитали это ненужным, греки же и другие нации вынуждены были вследствие бедности их языка и письма и тем самым восполнили недостатки (своих языков)".

Конечно, Вардан Аревелци не в одиночку и не самостоятельно пришел к подходам армяноцентристского языкознания, он всего лишь развил вековые традиции армянской национальной идеологии. Об этом свидетельствует следующий факт: в законченной им в 1267-1268гг. "Всеобщей истории" Вардан повторил, лишь слегка видоизменив, слова Егише, посвященные армянскому языку:

". . . От первого грубого неотесанного языка получили начало языки - мягкий греческий, резкий римский (латинский) , грозный гуннский, просящий сирийский, богатый персидский, изящный аланский, смешной готский, глухой египетский, щебечущий индийский и - вкусный и роскошный и приятный армянский. И как различие цветов производит красоту и разнообразие, точно то же творит и разнообразие языков".

Слегка видоизмененные характеристики Егише, возможно, ставшие широко известными благодаря Вардану Аревелци, можно встретить в трудах таких наших знаменитых мыслителей и грамматиков, как Мхитар Айриванеци (? - около 1305), Ованес Ерзнкаци (около 1250-1326), Григор Татеваци (1346-1409).

Интересное исследование армянского как языка Божественного принадлежит перу известного ученого-мхитариста Микаэла Чамчяна (1738-1823). В первом томе своей "Армянской истории" он пишет: *"Тот первый язык, на котором говорили люди, начиная с Адама до разделения языков, был язык армян, который сохранился до сих пор. И это можно легко доказать, ведь до этого разделения люди говорили на том языке, который бытовал в Армении, так как Ной и его сыновья, которые говорили на исконном языке Адама, жили в Армении и там множились. . . "*

Стремясь доказать, что армянский язык - это язык Бога и Адама (т. е. избранный язык) , Чамчян так развивает толкование Григором Татеваци слов Егише: *"Мы видим, что те, кто в совершенстве владеет армянским языком со всеми его особенностями, звуками и произношением, умеют правильно произносить все те слова других народов, которым учатся, словно это их родной язык. А другие народы не умеют правильно произносить чужие слова, как показывает опыт. Отсюда и следует, что первоначальным и родным диалектом был язык армян, а не других, язык которых произведен от армянского".*

Когда же такое отношение к родному языку сформировалось в Европе? Об этом любопытные факты содержит примечательная работа социолога и историка Лии Гринфельд, посвященная формированию английской, французской, русской, немецкой и американской наций. Гринфельд, в частности, отмечает, что подобное особое отношение к собственным языкам возникает параллельно формированию наций и появлению у них патриотических и националистических настроений.

АНГЛИЙСКИЙ

Англичане свою преданность и любовь к английскому языку начали высказывать начиная с XVIв. Они считали его превосходящим все остальные языки.

Ричард Кэрю в своем "Письме о превосходстве английского языка", написанном в конце XVI века, подчеркивает преимущества родного языка и недостатки других. Интересно сопоставить его характеристики с данными Егише.

"Итальянский приятен, но не имеет мышц, подобен спокойно текущей воде. Французский

изящен, однако излишне формален, как женщина, которая боится открыть рот, опасаясь повредить выражение своего лица. Испанский - благороден, однако слишком фальшив, в нем слишком часто используется "О", а также страшен, как сатана в театральном спектакле. Голландский - мужествен, однако очень хриплый, подобный вступающему в спор по любому слову. А мы, заимствовав у них, от итальянцев взяли силу согласных, от французов - целостное звучание слова, от испанцев - разнообразие окончаний, от голландцев - дополнительные смягчающие гласные; так, подобно пчелам, собрали у них все хорошее, а осадок оставили им. . . И как может язык, обладающий всем этим, не звучать сладкозвучно?"

ФРАНЦУЗСКИЙ

Подобное отношение к французскому (который был языком не всей Франции, а Парижа) сформировалось значительно раньше, уже в XIII веке.

Примечательно, что уже тогда на французском, мало распространенном в провинциях самой Франции, говорили и писали европейские элиты и парижский французский объявлялся "самым прекрасным языком в мире". Вот пример такого высказывания: *"Сладкий французский язык самый прекрасный в мире, самый грациозный и благородный, самый распространенный и любимый, так как Бог, во имя своей славы и хвалы, сделал его настолько сладостным и любимым, что его можно сравнить лишь с языком ангелов небесных"*.

Только с XIV века французский становится объектом страстной любви ученых и поэтов и благодаря им - центральным символом идентичности французов.

РУССКИЙ

Большая Советская энциклопедия отмечает, что в XVII-XVIII вв. "единого литературного русского языка не существовало".

Его создание связывают обычно с именем и эпохой А. Пушкина. Этому блестящему результату предшествовали более чем вековое усилие русской патриотической интеллигенции и государственных деятелей. Из них в первую очередь необходимо упомянуть Михаила Ломоносова, который в 1775-м так писал о своем родном языке:

". . . язык российский, не токмо обширностью мест, где он господствует, но купно и собственным своим пространством и довольствием велик перед всеми в Европе. . . Карл Пятый, римский император, говаривал, что испанским языком с Богом, французским - с друзьями, немецким с неприятельми, итальянским - с женским полом говорить прилично. Но если бы он российскому языку был искусен, то, конечно, к тому присовокупил бы, что им со всеми оными говорить пристойно, ибо нашел бы в нем великолепие испанского, живость французского, крепость немецкого, нежность итальянского, сверх того, богатство и сильную в изображениях краткость греческого и латинского языка".

(Между прочим, заметим, что приписываемые императору Карлу эти же замечания без, естественно, упоминания о русском языке, в несколько иных интересных вариациях упоминает и армянский книгопечатник и автор Гукас Ванандеци в справочнике, напечатанном в 1699 году.)

Английские ученые Ганс Роджер и Лиа Гринфельд с единодушным удивлением замечают, что этот гимн русскому языку имеет очевидное сходство с дифирамбом английскому языку, написанным Кэрю. Причем они убеждены, что Ломоносов не мог быть знаком с произведением второстепенного английского автора XVI века и заимствовать у него свою мысль. Мы со своей стороны добавим, что ни Кэрю, ни Ломоносов никак не могли быть знакомы с подобными суждениями армянских авторов раннего средневековья.

Говорить о превосходстве родного языка Егише и других армянских авторов, Кэрю и Ломоносова побуждали не столько достоинства этих языков, сколько историческая эпоха утверждения или возрождения национального самосознания. Эти армянские и зарубежные авторы просто испытывали на себе тождественное воздействие сходных социально-исторических ситуаций и, независимо от разделяющей их временной и пространственной отдаленности, они с удивительным единообразием отразили это воздействие.

Обобщим. Национальный язык становится осознанным объектом общенациональной любви и поклонения в такой исторический период, когда этническая группа, достигшая определенного уровня культурного развития, приобретает устойчивые признаки нации, а затем в лице своей интеллектуальной элиты и при поддержке и покровительстве политической элиты, имея целью последующую разработку и систематизацию национального самосознания, начинает тщательно анализировать элементы своей идентичности (в том числе и национальный язык), давая при этом теоретико-идеологические объяснения, обосновывающие их необходимость и полезность.

От ред.: - Статья является краткой версией одноименного исследования А. Айвазяна, вышедшего в свет на армянском языке в 2001г.

